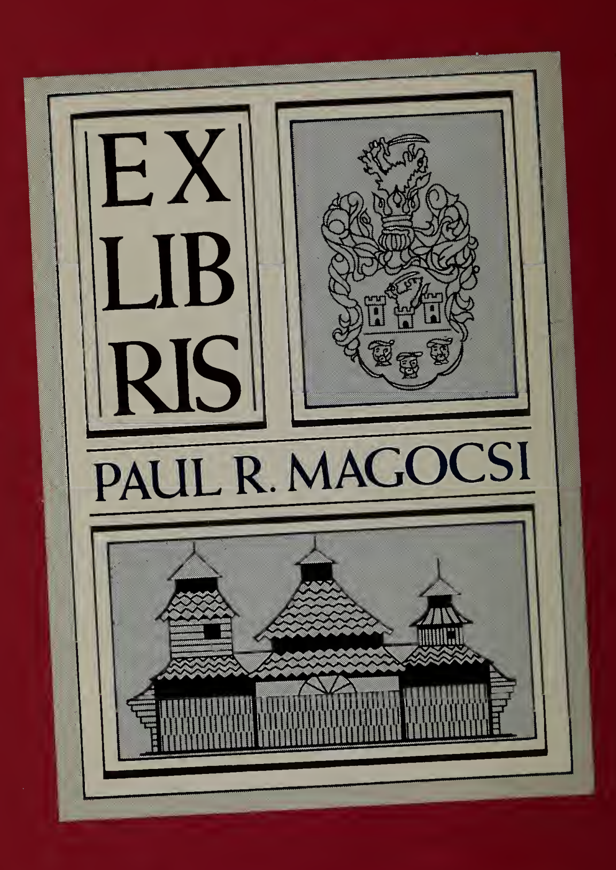
А. І. Добрянскій

О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси, со временъ Св. Владиміра

EX
LIB
RIS
PAUL R. MAGOCSI

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ CCVIII.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маріинскимъ мостами, д. № 90—1.

1880.

О ЗАПАДНЫХЪ ГРАНИЦАХЪ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ, СО ВРЕМЕНЪ СВ. ВЛАДИМІРА.

Изъ лѣтописи преп. Нестора извѣстно, что Русь граничила въ X в. на юго-западѣ съ государствами Польскимъ, Чешскимъ и Угорскимъ: „и бѣ живя съ князи околними миромь, съ Болеславомъ Лядьскымъ, и съ Стефаномь Угрьскымь, и съ Андрихомь Чешьскымь, и бѣ миръ межю ими и любы“. (Лавр. Лѣт. по изданію 1872 г., стр. 124). Но начальная лѣтопись не указываетъ черты, по которой граничила земля Русская съ Польскою, Чешскою и Угорскою: лѣтописецъ довольствовался исчисленіемъ Русскихъ племенъ: Словѣнъ, Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полочанъ, Сѣверянъ, Кривичей, Бужанъ, Радимичей, Вятичей, Дулѣбовъ, Улучей или Угличей, Тиверцевъ и Бѣлыхъ Хорватовъ, безъ точнаго опредѣленія ихъ географическихъ границъ. Не удивительно, что и позднѣйшіе русскіе историки не имѣли яснаго понятія о древнихъ границахъ юго-западной Руси: къ тому же она раздѣлилась на нѣсколько частей, изъ коихъ Подкарпатская подъ гнетомъ Угровъ и Поляковъ не имѣла возможности разработывать свою старину и поддерживать старыя преданія. Русь же восточная привыкла смотрѣть на области подкарпатскія, какъ на утраченное достояніе Русскаго племени, особенно со времени введенія въ нихъ уніи и утвержденія господства польскаго и мадьярскаго. Между тѣмъ, для полноты пониманія русской исторіи необходимы точныя свѣдѣнія о юго-западныхъ границахъ древней Руси. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью разъяснить хоть нѣкоторыя стороны этого вопроса.

I.

Какъ далеко ни лежитъ теперь за предѣлами Руси городъ Краковъ, однако встарину, въ X вѣкѣ, онъ былъ пограничнымъ польскимъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ близъ русской границы, пролегавшей примѣрно отъ Бохни чрезъ Тымбаркъ къ Новому Торгу, а далѣе по гребнямъ Татеръ. Въ доказательство такого направленія древней русско-польской границы можно привести слѣдующее:

1. Въ сообщенной Мураторіемъ древней грамотѣ временъ Мечислава I (970—990 гг.) Краковъ помѣщается на границахъ Руси: et fines Russiae usque in Cracoa (см. В. А. Мацѣевскаго: Pierwotne dzieje Polski i Litwy, 1846, стр. 374).

2. Въ описаніи путешествія на Волгу доминиканца Рикарда при Белѣ IV (1235—1270 гг.) упоминается dux magnae Sandomiriae, quae est terra Ruthenorum (см. Pray, Dissert. de Hung., p. 316; Deserici, De initiis Hung., I, 170).

3. Въ грамотѣ Польскаго короля Казиміра Великаго отъ 1344 г. упоминается русскій городъ Ржешовъ: oppidum Rzeschoviense cum suo toto districtu in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per serenissimos duces Russiae extitit limitatum (см. L. Rzyszczewski, Cod. diplom., I, 204). Извѣстно, что городъ Ржешовъ лежитъ на западной сторонѣ не только р. Сана, но и Вислока, то-есть, на этнографическомъ полѣ Польскаго племени.

4. Въ грамотѣ того же короля отъ 1348 г. и городокъ Роги съ г. Кросно, лежащіе къ западу отъ рр. Сана и Вислока, помѣщаются также въ Русской землѣ: villa nostra vulgariter dicta Rogi in terra Russiae prope Krosno (см. Libri fundationum, tom. CI, pag. 100, во Львовскомъ земскомъ судѣ).

5. Въ грамотѣ Владислава Ягайлы 1434 г. городъ Яслиска, расположенный западнѣе р. Сана, причисляется съ окружающими его селеніями къ Руси: in terra Russiae et districtu Sanocensi (изъ грамотъ г. Перемышля, подъ 1775 г.).

6. Въ докладѣ западно-русской уніатской іерархіи къ папскому нунцію о состояніи церковныхъ дѣлъ въ земляхъ западно-русскихъ городъ Судецъ (Sandecium, пол. Сончъ) причисляется къ Руси, именно къ русской Перемышльской епархіи, подобно Спишу и многимъ другимъ городамъ подкарпатскимъ. Приводимъ соотвѣтствующее мѣсто доклада: Episcopatus Premisliensis amplissimus, nobiles in eo quamplurimi

Rutheni, si omnes essent obedientes ter mille numerarentur parochiae. Sed inquietissimus, a 50 enim annis unitorum cum schismaticis perpetua ibi est concertatio. Unitus episcopus cathedra pulsus toties et toties, iterumque eam recepit. Nupernus vero mortuus per 12 annos episcopatum regens in villa debuit propria cathedram locare. Extollitur hic episcopatus in longum latum plus quam 100 milliaria germanica, nam etiam Hungariae nonnullae (partes) et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum pertinet. In hoc episcopatu œconomia regia Samboriensis, aliquot supra decem civitates continens, ad 400 autem villas. In hoc sita Premislia civitas celebris et nova Samboria, bene ambae munitae, Jaroslavia, Sanocia, Sancia et Stryi, aliaeque regales civitates cum capitaneatibus, plurimaque oppida dominorum, millenae et millenae villae. In hoc plurimi sunt schismatici, et ideo mirabilia perpessi uniti, ut ex infra dictis patebit (см. Harasiewicz Annales ecclesiae ruthenac. Leopoli. 1862, p. 303).

7. Въ грамотѣ Болеслава, князя Краковскаго и Судомирскаго, отъ 1255 г., при пожалованіи Краковскому епископу и капитулу нѣсколькихъ селеній въ землѣ Судецкой (Сандецкой), нужнымъ считалось полученіе на то согласія бывшей королевы Галицкой Соломеи: interventu venerabilis sponsae Christi germanae sororis videlicet Solomeae quondam Galiciae reginae. (Prăy, Annales R. H. I, 297). Это обстоятельство объясняется принадлежностью пожалованныхъ помѣстій къ Русскому государству.

8. По свидѣтельству минорита Константина Малегорскаго, монастырь fratrum minorum въ Новомъ Судецѣ (Sandecium) владѣетъ образомъ Спасителя, писаннымъ на деревѣ св. Лукою и подареннымъ Русскимъ княземъ Львомъ одному карпатскому отшельнику, жившему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ вышеозначенный монастырь: Habet iste conventus clenodium spirituale, hoc est faciem Domini nostri Jesu Christi graeco penicillo a S. Luca in tabella lignea depictam, quam cum Leo princeps Russorum ab imperatore orientis Constantinopoli dono accepisset, uni pio et sancto eremitae, ad montes Carpatos angelicam ducenti vitam, propter fructum spiritualem donavit. In hocce loco, ubi iste duxit vitam eremiticam, extat conventus P. P. Minoritarum et civitas Neo Sandecensis (Bardossy, Supl. anal. Scepusii. 162 p.). Нельзя допустить, чтобы Русскій князь подарилъ такую святыню монаху не православному, а латинскому, который не могъ бы даже встрѣтиться съ Русскимъ княземъ, еслибы Судецкая земля лежала внѣ Руси.

9. Мартинъ Кромеръ († 1589 г.) причисляетъ къ Руси городъ Лежайскъ, расположенный къ западу отъ р. Сана (см. De situ Poloniae, въ Собраніи Мицлера, I. 124).

10. Матвѣй Стрыйковскій, въ своемъ сочиненіи Sarmatiae Europeae descriptio (1578 г.), причисляетъ къ Руси городъ, лежащій западнѣе и р. Сана и р. Вислока (см. Собраніе Мицлера, I, 59).

11. Краковскій прелатъ Янъ Красинскій († 1612 г.), въ своемъ сочиненіи Polonia (Собраніе Мицлера, I, 418), положительно утверждаетъ, что граница Руси и Польши находится близъ г. Кракова: Roxolania... Carpathios montes non longe ab urbe attigit Cracovia.

12. Всѣ угорскіе и нѣмецкіе писатели временъ раздѣловъ Польши причисляютъ всю австрійскую Галицію къ древней Руси, за исключеніемъ воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго, лежащихъ къ западу отъ Кракова и входившихъ въ составъ областей чешской короны (см. Pray, Per. Austr. p. 424; F. A. Kollar, Vorläufige Ausführung der Rechte des Königreichs Hungarn, Wien, 1772; Palma, De titulis Mariae Theresiae; Joh. Gottfr. Einhorn, Weltgeschichte, V, 194; Fessler, X, 189; Emil Janitsch, Geschichte der deuts. österr. Monarchie, VI, 245; Ch. W. Koch, Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osvicensen et Zatoriensen ducatum praevia explicatio. Vindobonae 1773).

13. Въ грамотѣ Маріи Терезіи 15-го ноября 1773 г., призывающей жителей Галиціи и Лодомеріи, а равно воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго, къ присягѣ вѣрноподданства, дѣлается ссылка на историческія права королевы Угорской на двѣ первыя области, а королевы Чешской—на двѣ остальныя: Posteaquam spectatis intuitu regni Hungariae et Bohemiae coronae nostrae competentibus Nobis in varias Poloniae provincias juribus.... quas illa (M. Theresia) secundum litteras suas patentes 11 Septembris 1772 publicatas occupari jussit, tamquam vindicatum aequivalens omnium praetensionum e regnorum suorum Hungariac et Bohemiae antiquissimis juribus derivatarum. Изъ этого видно, что вся Галиція раздѣляема была составителями этой грамоты на двѣ части: русскую и чешскую, изъ коихъ послѣдняя обнимала лишь области къ западу отъ Кракова.

14. Подобный взглядъ на принадлежность къ Руси всей Галиціи къ востоку отъ Кракова выраженъ и въ трактатѣ, заключенномъ 18-го сентября 1773 г. между Австріей и Польшею, именно во 2-й статьѣ его.

15. Въ титулѣ австро-угорскихъ государей также находимъ при-

знаніе русскаго, а не польскаго характера всей Галиціи. Кромѣ Кракова и Освѣцима съ Заторомъ, императоръ титулуется: rex Galiciae et Lodomeriae, dux Osvicinensis et Zatoriensis, а съ 1846 г. и dux Cracoviensis, но о Польшѣ во всѣхъ этихъ титулахъ нѣтъ упоминаній. Очевидно, для послѣдняго не находилось никакого основанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ государи, ревниво сохраняющіе въ своихъ титулахъ упоминаніе Лотарингіи, прусской Силезіи, Іерусалима и множества мелкихъ графствъ и областей, не упустили бы прибавить къ нимъ: partium Poloniae dominus et haeres, еслибы къ тому представился хоть слабый поводъ.

16. Послѣднимъ и самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ распространенія древней Руси до самаго Кракова служитъ то, что и теперь русское населеніе начинается въ Галичинѣ отъ самаго Дунайца подъ Татрами, въ близкомъ разстояніи отъ Кракова, гдѣ находятся русскія селенія: Шляхтова, Яворки, Черная-вода, Бѣлая-вода, Зубрикъ, Верхомля-великая, Верхомля-малая, Ростока-малая, Золотное, Чачовъ, Матѣёва, Котовъ, Богуша, Королевка-русская, Бинчарова, Флоринка, Ласкова, Лоси, Бѣлянка, Мушина-малая, Мушина-великая, Боднарка, Теклипъ, Клопотница, Пильгримка, Маркова, Березова, Скальникъ, Куты, Ивля, Хирова, Торстяна, Завадка, Балудянка, Волька, Лядинъ, Воробликъ, Беска и т. д. Вообще, между рѣками Дунайцемъ и Вислокомъ находится 172 русскихъ селеній, съ 129 русскими церквами и свыше 90,000 русскихъ жителей. Ужели все это русскіе колонисты на польской этнографической области? Исторія ничего не знаетъ о подобной колонизаціи. Извѣстно лишь то, что въ прежнее время число этихъ подкраковскихъ Русскихъ было гораздо больше нынѣшняго, такъ какъ значительная ихъ часть была окатоличена и смѣшалась съ Мазурами и Горалями, подобно тому какъ на южныхъ склонахъ Бескида Русь смѣшалась и отчасти слилась со Словаками. Еще въ 1660 г., по донесенію Перемышльскаго епископа Станислава Сарновскаго папѣ Александру VII, въ Перемышльской епархіи насчитывалось до 3,400 русскихъ приходовъ, съ 3 милліонами русскаго православнаго населенія; теперь ихъ не болѣе 800,000, а съ Русью Угорскою, входившею прежде въ Перемышльскую же епархію, до 1½ милліона.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ галицкаго историка Діонисія Зубрицкаго, что древняя Русь простиралась до самаго Кракова, который самъ построенъ, по его

мнѣнію, на почвѣ искони русской (Die Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849).

II.

Опредѣливъ на основаніи грамотъ, хроникъ и другихъ данныхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ, что древняя граница Руси отъ племени Польскаго доходила въ нынѣшней Галичинѣ до линіи отъ Кракова до Татръ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію ея продолженія въ Угорщинѣ, при чемъ предполагаемъ доказать, что нынѣшній Спишъ входитъ въ составъ земель искони-русскихъ, составляетъ часть наслѣдія св. Владиміра.

Въ самомъ дѣлѣ, въ составъ племенъ древне-Русскихъ входили Хорваты (Бѣлые), какъ о томъ свидѣтельствуетъ Несторъ: „и живаху въ мирѣ Поляне... и Хорвате" (Лавр. Лѣт. по изд. 1872 г. стр. 12); „иде Олегъ на Греки, поя же множество Варягъ и Словенъ... и Хорваты" (ib. 29); „иде Володимиръ на Хорваты" (ib. 119). На этомъ основаніи и Карамзимъ, и Соловьевъ причисляютъ Бѣлыхъ Хорватовъ къ составнымъ племенамъ древней Руси (Ист. Госуд. Росс., изд. 1842 г. I, 19. пр. 77; Соловьевъ, Ист. Росс. 1857 г., I, 48).

Но гдѣ жили въ старину эти Бѣлые или русскіе Хорваты? Мы предполагаемъ, что они занимали средину Карпатъ или Бескидовъ, то-есть, отъ линіи какъ сѣверные, такъ и южные склоны этихъ горъ, между Краковомъ и Остригономъ (Strigonium, Gran) на сѣверо-западѣ до Тисы и Сама (Samusius, Samosch) въ Угорщинѣ и Семиградьѣ и старой границы между Валахіей и Молдавіей на юго-востокѣ.

Но возвратимся къ землѣ Спишской. Болеславъ I, король Польскій, занявъ въ 1018 г. Червенскіе города (Лавр. Лѣт., стр. 140), то-есть, Перемышль и др., не могъ не овладѣть одновременно съ тѣмъ и всею русскою областью между Перемышлемъ и Краковомъ, а слѣдовательно, и Спишскою землею, но вся эта область опять была возвращена въ 1031 г. великимъ княземъ Ярославомъ (Лавр. Л., 146). Не долго, впрочемъ, Спишъ оставался затѣмъ въ соединеніи съ Русью, онъ отошелъ вскорѣ къ Полякамъ по однимъ предположеніямъ въ 1069 г. (Карамзинъ, II, 45), по другимъ же, болѣе вѣроятнымъ,—въ 1102 г. вслѣдствіе выхода княгини Сбыславы Святополковны за короля Польскаго Болеслава (Лавр. Л., 266). Во всякомъ случаѣ, около 1108 Спишъ находился въ рукахъ послѣдняго. Въ этомъ году, по разказу Кромера (De orig. Pol. l. V), въ Спишѣ происходилъ съѣздъ Боле-

слава Польскаго съ Коломаномъ I Угорскимъ, при чемъ заключенъ договоръ объ обрученіи угорскаго королевича Стефана съ польскою княжной Юдиѳью (дочерью Сбыславы Святополковны), которой въ приданое отданъ былъ пожизненно Спишъ: Unde loco dieque constituto conveniunt principes in Scepusiensi territorio, societatem inter se ineunt, communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt. Ut foedus hoc firmum perenneque sit, nova affinitate sanciunt: Colomannus enim Juditam Boleslai filiam Stephano natu majori filio suo despondit, Scepusiense territorium, quod Poloniae ditionis erat, in dotem datum.

Это свидѣтельство Кромера дословно почти подтверждается и Длугошемъ, который прибавляетъ (Hist. Pol., lib. IV, ad an. 1108), что хотя Спишъ лишь временно (tunc) принадлежалъ къ Польшѣ, однако не малая его часть состояла изъ земли краковской, слѣдовательно, польской: Colomannus Ungariae rex filio suo natu majori Stephano filiam Juditam Boleslai polonorum ducis desponsat uxorem, provinciam Scepusiensem, quae tunc juris polonorun fuerat et pars ejus non modica in terra Cracoviensi consistebat, Boleslaus filiae in dotem consignat. Ab eoque tempore sequestrata a Polonia in proprietatem et ditionem Ungarorum transiit.

И польскій хронистъ Матвѣй Мѣховскій сообщаетъ тѣ же свѣдѣнія (Chron. Pol., l. III, c. 8, p. 49: Stephanus filius Colomanni regis natu major accepit Juditam Boleslai ducis Poloniae natam, cui pro dote assignavit terram Scepusiensem, et ab eo tempore in proprietatem Hungarorum transiit), однако прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ (c. 15, p. 57), что не всѣ историки называютъ мужа Юдиѳи Стефаномъ, но нѣкоторые—Коломанномъ, вѣнчаннымъ въ короли Галича: hunc Boleslaum ducem tradidisse filiam suam ex ruthena genitam Colomanno alteri filio Colomanni regis Ungariae, ad coronandum eum in regem haliciensem, et non Stephano majori natu...

Но положительнѣе и подробнѣе всѣхъ разъясняетъ этотъ историческій фактъ одинъ изъ древнѣйшихъ польскихъ хронистовъ, Познанскій епископъ Богуфалъ († 1253). Въ своей хроникѣ подъ 1108 г. онъ разказываетъ, что Болеславъ выдалъ свою дочь Юдиѳь, рожденную отъ русской крови, за угорскаго королевича Коломана, при чемъ онъ далъ ей въ пожизненное владѣніе землю Спишскую. Королевичъ Коломанъ коронованъ былъ съ согласія государей Угорскаго и Польскаго въ короли Галицкіе. По смерти Юдиѳи, Угры отказались возвратить Польшѣ Спишъ, а обмѣняли его коварнымъ образомъ на Пере-

мышль, что было причиною раздоровъ между двумя государствами; такъ-то коварно отчужденъ Спишъ отъ Польши и удерживается до настоящаго времени Уграми! (Jste Boleslaus filiam suam de ruthena genitam Colomanni regis Hungarorum filio matrimonialiter copulavit, cui nomine dotis castellaniam de Spisz, quoad viveret, possidendam assignavit. Quem Colomannum una cum rege Hungarorum Haliciensibus in regem praefecerunt, cujus coronationem rex Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellaniam de Spisz Hungariae incorporandam tradidit et loco ejusdem castellaniam Premislensem nomine dotalitii filiae suae recepit. Haec autem dolositas fuit origo dissensionum inter Polonos et Hungaros, prout in sequentibus patebit. Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulenter detenta occupatur).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Спишская земля въ 1108 г. была подвластна Болеславу Польскому и въ означенномъ году отдана пожизненно въ приданое Юдиѳи, его дочери отъ русской княжны Сбыславы Святополковны и такъ перешла во власть Угорскихъ королей; послѣ ранней смерти Юдиѳи, Угры не возвратили Болеславу Польскому Спиша, а отдали ему въ замѣнъ новозавоеванную землю Перемышльскую (то-есть, остальныя части княжества Перемышльскаго). Такимъ образомъ Спишъ остался въ рукахъ угорскихъ, Перемышль же возвратился потомъ во владѣніе Рюриковичей, и Поляки остались ни при чемъ. Ясно и то, что первыми обладателями Спиша были государи Русскіе; отъ насъ перешла эта область къ Польшѣ, а отъ послѣдней — къ Угорщинѣ.

Новѣйшіе мадьярскіе историки возбудили однако возраженіе противъ приведенныхъ свидѣтельствъ польскихъ источниковъ и утверждаютъ, что земля Спишская уже въ X в. занята была Мадьярами, основываясь при этомъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Княжна Юдиѳь Болеславовна имѣла-де въ 1108 г. не болѣе трехъ лѣтъ, слѣдовательно, не могла еще быть обручена за угорскаго королевича.

2) Королевичъ Стефанъ (на угорскомъ престолѣ II-й) былъ-де женатъ не на Юдиѳи Болеславовнѣ, а на дочери Апульскаго короля Роберта Гвискара (по Туроцію, Бонфину и Гапзану), или по другимъ угорскимъ историкамъ (Schier, Reginae Hung., p. 100) на Аделаидѣ, дочери ландграфа Генриха Стефнинскаго.

3) По свидѣтельству безыменнаго лѣтописца угорскаго (Anonymus Belae regis notarius), Мадьяры уже въ X-мъ в. заняли-де съ прочими

угорскими землями и Спишъ, который былъ затѣмъ управляемъ мадьярскими воеводами.

4) Изъ одной грамоты Германскаго императора Генриха IV (1056—1106) видно-де, что уже тогда граница Угорщины и Польши проходила по Татрамъ, при чемъ Спишъ долженъ-де былъ принадлежать Угорщинѣ.

5) Въ грамотѣ Угорскаго короля Генриха I отъ 1198 г. говорится, что Остригонскій архіепископъ Іовъ имѣетъ право на десятую долю королевскихъ доходовъ и въ Спишѣ, по установленію святыхъ королей Стефана I и Владислава I, слѣдовательно, гораздо раньше 1108 г.

6) Спишъ Длугоша, Богуфала и Мѣховскаго, принадлежавшій, по ихъ словамъ, къ Перемышльскому или Галицкому княжеству, былъ-де не нынѣшній, а вѣроятно какой-то другой Спишъ, въ окрестностяхъ Перемышля или даже Галича, быть можетъ—въ Покутьѣ, гдѣ, по увѣренію угорскаго писателя Корнидеса (Vindiciae, p. 286), дѣйствительно было селеніе Спишъ, обозначенное на одной польской картѣ XVIII вѣка.

Въ отвѣтъ на эти возраженія угорскихъ историковъ (напримѣръ, Schier, Reginae Hung.; Benczur, Ungaria semper libera; Cornides, Vindiciae; Hollók, Nexus nationis hungarae cum polonica, Cassoviae 1831 и др.), можно представить слѣдующія соображенія:

1) Извѣстно, что дѣти государей были въ старину не только обручаемы, но и бракосочетаемы, для политическихъ цѣлей, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Примѣры того встрѣчаются въ исторіи какъ угорской, такъ и польской. Такъ, въ 1211 г. четырехлѣтняя дочь Угорскаго короля Андрея II, Елисавета, была не только обручена съ малолѣтнимъ сыномъ Турингскаго ландграфа, но и отослана тотчасъ къ своему жениху съ драгоцѣннымъ приданымъ, подробное описаніе котораго можно найдти въ житіи св. Елисаветы, составленномъ нѣкіимъ Теодорикомъ. Въ слѣдующемъ 1212 г. привезена была изъ Польши въ Угрію дочь Лешка Бѣлаго Соломея, съ цѣлью приготовленія къ браку съ будущимъ Галицко-Владимирскимъ королемъ Коломаномъ Андреевичемъ (Vindingus ad an. 1212, № 35, p. 353).

2) Свидѣтельство угорскихъ историковъ о бракѣ Стефана II на королевнѣ апульской или дочери ландграфа Стефнинскаго не противорѣчитъ даннымъ польскихъ хронистовъ о его же обрученіи съ Юдиѳью Болеславовною, такъ какъ означенный король могъ овдовѣть и жениться вторично, какъ это и принимается обыкновенно истори-

ками (см., напримѣръ, Гебгарди, Allgemeine Weltgeschichte. Brünn, 1788, I, 214).

з) Относительно лѣтописи угорскаго Анонима должно вспомнить, что она писана либо при Бѣломъ III (Bela III, 1174—1196 гг.), либо при Бѣломъ IV (1235—1270 гг.), то-есть, въ такое время, когда Угорскіе короли искали поводовъ и основаній для подчиненія себѣ юго-западной Руси, вслѣдствіе чего и Анонимъ обнаруживаетъ желаніе во что бы то ни стало доказать исконную зависимость Руси отъ Угорскихъ королей. Къ тому же лѣтопись Анонима переполнена географическими и историческими анахронизмами, напримѣръ, указаніемъ на завоеваніе Мадьярами въ IX в. городовъ Владиміра и Галича, еще и не существовавшихъ въ то время (ср. Карамзина Ист. Г. Рос. I, гл. V ст. 83, прим.). Впрочемъ, и Анонимъ угорскій не причисляетъ Спиша къ областямъ, завоеваннымъ Мадьярами; напротивъ, разказавъ о занятіи ими Затиской области, между рр. Керешемъ (Crisius) и Задьвою (Zagyva), верстъ на 300 удаленныхъ отъ Спиша, онъ прибавляетъ, что границы угорскихъ владѣній тянулись вплоть до Спишскаго лѣса: et subjugaverunt sibi Hungari omnes habitatores terrae a Crisio usque ad fluvium Zageva et usque ad sylvam Scepus (Anonym. Bel. reg. notarius, Cap. XXXII). Слѣдовательно, и по Анониму Спишъ не былъ завоеванъ Мадьярами. Если же лѣтопись угорскаго Анонима указываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Татры, какъ на границу между Угорщиной и Польшей (напримѣръ, въ главѣ XVIII: missus est Borsu filius Bunger cum valida manu versus terram Polonorum, qui confinia regni conspiceret ad montem Tatur et in loco convenienti castrum construeret causa custodiae regni; или въ главѣ LVII: dux vero Zulta post reversionem militum suorum fixit metas regni Hungariae usque ad fluvium Morva (Morava) et eodem modo ex parte Polonorum usque ad montem Tatur, sicut primum fecerat regni metam Borsu filius Bunger), то это чистѣйшій анахронизмъ, такъ какъ въ X-мъ столѣтіи Угорщина еще не составляла королевства (regnum), и подъ своими воеводами, не граничила ни съ Чехами, ни съ Поляками, а лишь съ государствомъ Велико-Моравскимъ, на сѣверъ отъ Остригона до Вацова на Дунаѣ, а оттуда по Матрѣ, рѣкамъ Тисѣ и Саму (Samusius, Szamos). Лишь по окончательномъ паденіи Велико-Моравскаго государства и по занятіи ея областей Чехами, стали Мадьяры въ соприкосновеніе съ послѣдними; когда же потомъ Поляки вытѣснили и Чеховъ, и Русскихъ съ южныхъ склоновъ Карпатъ, то по нимъ прошла граница государствъ Угорскаго

и Польскаго. Лишь со времен Угорскаго короля св. Владислава I передвинулась эта граница къ Моравѣ и хребтамъ Татръ. Доказательства и подробности такого развитія угорскихъ границъ будутъ представлены впослѣдствіи. Но еслибы мы даже принимали извѣстія Анонима угорскаго за непреложную истину и считали Татры древнѣйшею границей Угорщины и Польши, то и тогда показанія древнихъ свидѣтелей о принадлежности Спиша къ Руси остаются неопровержимыми, такъ какъ Спишъ лежитъ восточнѣе Татръ, начинаясь собственно тамъ, гдѣ кончаются послѣднія. Такимъ образомъ, Татры издавна составляли какъ этнографическую, такъ и государственную границу между Русью и Польшей, какъ онѣ и теперь отдѣляютъ русскій Спишъ отъ польскихъ воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго; но на востокѣ, со стороны земель русскихъ, Спишъ не имѣетъ никакой рѣзкой физической грани: Попрадъ соединяетъ его съ русскими искони областями княжества Перемышльскаго.

4) Изъ предыдущаго видно, что и грамота Германскаго императора Генриха IV (1056—1106 гг.), на которую ссылается русскій писатель Бенцуръ въ сочиненіи: Hungaria semper libera (p. 65), и по которой: montes Carpatios Tatri dictos praelaudati imperatoris aevo finibus regni Hungariae fuisse circumscriptos, ничего не говоритъ въ пользу древней принадлежности Спиша къ Угорщинѣ, такъ какъ Татры лежатъ къ западу, а не къ сѣверу отъ Спиша, слѣдовательно, отдѣляютъ его отъ Угорщины и Польши, а не отъ Руси.

5) Грамота Угорскаго короля Генриха отъ 1198 года (Fejer, Codex diplom., t. II, p. 324) говоритъ не противъ, а въ пользу мнѣнія о присоединеніи Спиша къ Угорщинѣ лишь въ 1108 г. Приводимъ эту грамоту цѣликомъ, а не урывками, какъ писатели мадьярскіе: In nomine S. Trinitatis et individuae unitatis. Emericus Dei gratia Hungariae, Dalmatiae, Croatiae, Ramaeque rex omnibus notificamus, quod quia sanctissimus rex Stephanus et beatus Ladislaus rex, Hungariae reges nostri patres et praedecessores ordinaverunt accepto apostolico mandato, ut de omnibus proventibus regelibus nunc habitis et quoque modo et nomine habendis atque ampliandis, rex Hungariae, quicunque fuerit in Deo coronatus per sedem Strigoniensem, in signum catholicae fidei, decimam solvere deberet archiepiscopo Strigoniensi, a quo fidem baptismatis et coronam receperunt. Nos eadem fide, que salvari volentes, in perpetuum statuimus, quod de omnibus proventibus regalibus archiepiscopus Strigoniensis decimam ad plenum recipere debeat, prout semper receperunt. Item de-

cimam tributorum in terra Scipis et in Posonio ipsi domino Archiepiscopo in perpetuum pro mensa sua, sicut per SS. Reges erant donatae; item pro salute nostra et pro discordia vitanda exemplo sanctorum regum donavimus in perpetuum domum regalem in castro Strigoniensi, quae nondum fuit opere consummata, eidem Strigoniensi Archiepiscopo tamen tempore necessitatis nostrae ipse dominus Archiepiscopus. Nos in eadem recipere teneatur. Datum per manus domini Katapani episcopi Agriensis, aulae nostrae cancellarii, anno ab incarnatione Domini millesimo centesimo nonagesimo octavo. И такъ, король Генрихъ, слѣдуя законамъ своихъ предшественниковъ, Стефана I и Владислава I, по которымъ (законамъ) архіепископу Остригонскому принадлежитъ десятая доля всѣхъ королевскихъ доходовъ, какъ бывшихъ при названныхъ короляхъ, такъ и пріобрѣтенныхъ позже, постановилъ, чтобъ архіепископъ Остригонскій получалъ и впредь, какъ прежде, десятую часть всѣхъ королевскихъ доходовъ. Сверхъ того, король, подражая примѣрамъ предшественниковъ, даритъ тому же архіепископу десятую часть доходовъ со Спишской земли и города Пожуна, на расходы архіепископскаго стола,—даритъ, наконецъ, и королевскій домъ въ Остригонской крѣпости, подъ условіемъ принимать въ немъ, въ случаѣ надобности, короля. Такимъ образомъ, Спишъ ясно выдѣленъ здѣсь отъ владѣній, присоединенныхъ прежде, и съ которыхъ десятина выдавалась архіепископу издавна. Замѣчательно, что въ этой, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ, Спишъ не называется комитатомъ, а землею Спишскою: очевидно, что, по случаю поздняго пріобрѣтенія ея Угріей, земля эта не была еще организована на подобіе другихъ частей государства. Архіепископы Остригонскіе не получали, впрочемъ, со Спиша присужденнаго имъ королемъ Генрихомъ дохода, такъ какъ поселенные тамъ угорскими королями Саксы и другіе жители латинскаго вѣроисповѣданія (Saxones et Latini) отдавали десятину со своихъ урожаевъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ (см. Wagner, Anal. Scepus. I, 264); коренные же русскіе жители Спиша упорно отказывались отъ платежа сборовъ въ пользу не своего, а латинскаго духовенства. Архіепископы Остригонскіе жаловались, конечно, королямъ на такіе порядки: въ 1289 году Владиславъ IV выдалъ архіепископу Владиміру подтвердительную грамоту на десятину со Спиша (см. Pray, Specimen hierarch., p. I, p. 135); но она не могла имѣть силы на весь Спишъ, такъ какъ и Краковскіе епископы распространяли свою юрисдикцію на спишскихъ латинниковъ еще въ 1298 г. Послѣднее

видно изъ индульгенцій, данныхъ Подолинской церкви въ Спишѣ Іерусалимскимъ архіепископомъ армянскаго обряда Василіемъ (frater Basilius armenorum archiepiscopus) и другими жившими въ Римѣ епископами, подъ условіемъ, чтобъ эти индульгенціи утверждены были мѣстнымъ епархіальнымъ епископомъ Краковскимъ, что̀ и сдѣлано было послѣднимъ словами: Nos Ioannes Dei gratia episcopus Cracoviensis ratas et gratas habentes praemissas indulgentias, praesentibus confirmamus nostrum sigillum apponentes (Bardosy, Supl. anal. Scep., p. 429 sq.). Лишь Іакову, уніатскому епископу въ Спишѣ (какъ онъ титуловалъ себя въ грамотахъ), удалось окончательно уладить дѣло о доходахъ духовенства въ Спишѣ: въ 1299 г. онъ, а не архіепископъ Остригонскій, располагалъ десятинами даже въ Подолинѣ (Bardosy, Supl. anal. Scepus., p. 432 sq.).

6) То обстоятельство, что Богуфалъ, Длугошъ и др. древніе писатели связываютъ Спишъ съ княжествами Перемышльскимъ и Галицкимъ и съ русскою княжною Сбыславою Святополковною, не должно побуждать новыхъ историковъ къ поискамъ другаго Спиша на востокѣ, въ окрестностяхъ Галича: въ послѣднемъ случаѣ трудно бы королямъ Угорскому и Польскому устроить свой съѣздъ въ томъ же Спишѣ, который данъ былъ Болеславомъ Польскимъ въ пожизненное приданое своей дочери. Да и могъ ли Болеславъ давать приданое въ такихъ частяхъ Руси, гдѣ въ 1108 г. Польскіе государи еще не имѣли никакихъ владѣній? Если же въ ближайшихъ окрестностяхъ Галича или Перемышля дѣйствительно находилось или находится селеніе Спишъ, то это могло бы служить лишь новымъ подтвержденіемъ исконнаго заселенія Спиша Русскимъ народомъ, въ чемъ вообще нельзя сомнѣваться.

Впрочемъ, сѣверныя границы Спиша и послѣ 1108 года, то-есть, послѣ включенія его въ Угорщину, были долгое время столь шатки, что, рядомъ съ государями Угорскими, тамъ распоряжались и владѣтели Краковско-Судомирскіе. Такъ въ 1244 г. Краковскій и Судомирскій князь Болеславъ пожаловалъ нѣкоему Генриху солтыство (sculletiam) въ спишскомъ селеніи Подолинѣ (Bardosy, Supl. anal. Scepus., p. 311 sq.); вдова того же князя, Кунигунда, въ 1280 г. подарила Подолинъ, вмѣстѣ съ другими селеніями Судецкой земли, монахинямъ Клариссамъ (Sanctimonialibus ordinis S. Clarae in civitate Sandec. Bardosy Supl. anal. Scep., 157 sq.); та же княгиня Кунигунда въ 1288 и 1289 гг. подарила своему подолинскому солтысу (sculteto) лѣсъ, лежащій въ землѣ Спишской, между Подолинцомъ и Гнѣздой

(Bardosy, Supl. anal. Scep., 285, 305). Въ 1292 г. Краковско-Судомирскій князь Вячеславъ (Venceslaus rex Bohemiae, dux Cracoviae ac Sandomiriae, marchioque Moraviae) распоряжался спишскими селеніями Любовня, Гнѣзда и Подолинецъ, изъ коихъ послѣднее велѣлъ даже укрѣпить (Bardosy, Supl. anal. Scep. 350). Еще въ 1298 г. спишскіе латинники причисляемы были къ епархіи Краковской, какъ это видно изъ вышеуказанныхъ индульгенцій архіепископа Василія; но доходами съ подвластныхъ еще Краковскому епископу селеній въ 1299 г. свободно располагалъ уже уніатскій епископъ Спиша Іаковъ. Всѣ эти аномаліи, происходившія, конечно, отъ отсутствія естественныхъ границъ между Спишемъ и прочими частями Перемышльской Руси, подтверждаютъ сохраненный польскими хронистами фактъ, что Спишъ поступилъ во владѣніе Мадьяръ не ранѣе 1108 г. Это доказывается и полнѣйшимъ отсутствіемъ грамотъ, выданныхъ Угорскими государями или другими властями духовными и свѣтскими, по отношенію къ Спишу: по крайней мѣрѣ, Вагнеръ и Бардошій, собравъ въ своихъ изданіяхъ (Analecta Scepusii и Suplementa analectorum Scepusii) множество грамотъ и другихъ историческихъ памятниковъ, хотя бы лишь косвенно относящихся къ Спишу, не въ состояніи были найдти въ угорскихъ архивахъ ни одного подобнаго памятника раньше 1209 г. Между тѣмъ, для другихъ частей Угорщины, занятыхъ Мадьярами въ X или даже XI в., есть много грамотъ не только знаменитыхъ организаторовъ Угорщины, св. Стефана и св. Владислава, но и другихъ духовныхъ и гражданскихъ властей. Когда третій организаторъ Угорщины Бѣлый IV (Bela IV) далъ въ 1243 г. спишскимъ дворянамъ (nobiles de Scepus, lanceolati), населявшимъ десять привиллегированныхъ русскими князьями селеній, грамоту, подтверждавшую старинныя льготы этихъ дворянъ (eandem, quam ab antiquo habuerunt conservare volentes libertatem), то Угорскій король не сдѣлалъ при этомъ ни малѣйшаго намека на своихъ предшественниковъ: опущеніе тѣмъ болѣе странное, что въ угорскихъ грамотахъ поддерживалась тенденція всѣ прежнія возводить ко временамъ старымъ, особенно къ святымъ королямъ Стефану I и Владиславу I (ср. Bardosy, Supl. anal. Scep. 34 sq.).

Итакъ, новые историки мадьярскіе, оспаривающіе показанія древнихъ хронистовъ о томъ, что Спишъ достался Польшѣ отъ Руси, какъ приданое Сбыславы Святополковны, и что онъ не ранѣе 1108 г. переданъ Болеславомъ Польскимъ Euграмъ, въ видѣ приданаго за

дочерью Сбыславы Юдиѳью, не имѣютъ на своей сторонѣ не то что правды, а даже правдоподобія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію способа перехода Спиша отъ Поляковъ къ Угорщинѣ. Всѣ польскіе историки согласны въ томъ, что Спишъ лишь пожизненно данъ былъ въ приданое дочери князя Болеслава Юдиѳи (quod viveret; in dotem datum, in dotem consignat, pro dote assignavit и т. п.); если же остался во владѣніи угорскомъ и послѣ смерти Юдиѳи, то это произошло, по словамъ Богуфала, слѣдующимъ образомъ: Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellaniam de Spisz Hungariae incorporandam tradidit, et loco ejusdem castellaniam Premislensem nomine dotalitii filiae suae recepit... Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulenter detenta occupatur. Этого историческаго факта, отмѣченнаго Богуфаломъ, не оспариваетъ ни одинъ серьезный историкъ, кромѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ угорскихъ писателей, ложныя основанія которыхъ выяснены уже выше. Если можетъ что-нибудь возбуждать еще сомнѣнія въ этомъ вопросѣ, такъ это имя угорскаго королевича, женатаго на княжнѣ Юдиѳи (см. Gebhardy, Allgem. Weltgeschichte XLIV, p. 206); но это мало имѣетъ для насъ значенія, хотя по всему видно, что мужемъ Юдиѳи былъ королевичъ, а потомъ король Угорскій Стефанъ II. Во всякомъ случаѣ, никто изъ угорскихъ историковъ не указалъ лучшаго повода для перехода Спиша изъ владѣнія польскаго въ угорское.

Послѣ смерти Сбыславы Святополковны, послѣдовавшей вслѣдъ за соглашеніемъ Поляковъ съ Уграми касательно Спиша, прекратились дружественныя отношенія, господствовавшія дотолѣ между государствами Русскимъ и Польскимъ (ср. Vita S. Ottonis L. II, c. 4; Dlugos, p. 374). Главною причиною тому было стараніе Перемышльскаго князя Володаря Ростиславича возвратить занятыя Поляками въ приданое за Сбыславою западныя части его княжества, а въ томъ числѣ и угорскій уже тогда Спишъ (ср. Gebhardy, XLIV, p. 207; Карамзинъ, Ист. Г. Росс. т. II, гл. VII, стр. 93). Но и отношенія Угровъ къ Руси были очень натянуты уже при Коломанѣ, который, желая подчинить себѣ юго-западную Русь, потерпѣлъ въ 1097 году сильное пораженіе подъ Перемышлемъ (Несторъ, стр. 155 сл.; Карамзинъ, т. II, гл. VI, стр. 77); разведясь съ русскою княжной Евѳиміей, Коломанъ намѣренъ былъ въ началѣ 1114 г. предпринять второй походъ на Русь (Gebhardy, LI, 208), но смерть 3-го февраля

1114 г. (Schier, Reg. Hung., p. 90) пресѣкла его планы. На смертномъ одрѣ онъ заклиналъ однако своего наслѣдника Стефана II загладить неудачи отца завоеваніемъ юго-западной Руси (Chron. Turoczy, cap. LXIII; Pray, Reg. Hung. p, 120; Карамзинъ, Ист. Г. Росс. т. II, гл. VII, стр. 93). Только возникшая вслѣдъ затѣмъ война Угріи съ Венеціей помѣшала Стефану II немедленно исполнить завѣщаніе отца (Gebhardy, LI, 208), а вѣроятно, и желанія его тестя, Польскаго государя Болеслава Кривоустаго. Изъ всего этого ясно, что союзъ, заключенный въ 1108 г. между государями Польскимъ и Угорскимъ (communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt), скоро принялъ характеръ наступательнаго союза противъ юго-западной Руси. Имѣлось въ виду Галичъ и Владимиръ со смежными областями подчинить королю Угорскому, а остальныя части обширнаго Перемышльскаго княжества предоставить Болеславу Польскому, какъ бы въ замѣну за отошедшій къ Угріи Спишъ. Эти именно соображенія имѣлъ въ виду Богуфалъ, когда писалъ: Castellaniam de Spisz Hungariae incorporanda tradidit, et loco ejusdem castellaniam Peremislensem nomine dotalitii filiae suae recepit. Для достиженія своей цѣли Болеславъ съ 1117 г. сталъ подстрекать свойственника своего, Владимирскаго князя Ярослава Святополковича противъ великаго князя Владиміра Мономаха, такъ что послѣдній принужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, заставившимъ Ярослава бѣжать въ Польшу (ср. Gebhardy, LXX, 306, 307, 308; Карамзинъ, II, гл. VII, стр. 92). Володарь Ростиславичъ, ужасъ и бичъ Ляховъ (Карамзинъ, II, гл. VII, с. 93), былъ въ то же время захваченъ ими хитростію (ср. Kadlubko, Lips., p. 720, 721) и выпущенъ на свободу лишь за громадный выкупъ, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не только не нападать на польскія владѣнія, но и помогать Болеславу въ предстоящемъ походѣ на Русь (Gebhardy, LXX, p. 310, 311; Карамз., II, гл. VII, с. 93, 94). Узнавъ о планахъ Польскаго и Угорскаго королей, Владиміръ Мономахъ рѣшился предупредить ихъ соединеніе и послалъ своего сына Романа, а послѣ скорой его смерти другаго сына Андрея во Владиміръ, съ порученіемъ перенести оттуда войну въ польскія владѣнія, чтобъ удержать Болеслава отъ вторженія въ Русь. Андрей дѣйствительно раззорилъ сосѣднія польскія области, но вскорѣ принужденъ былъ возвратиться во Владимиръ, въ виду того, что Ярославъ съ Поляками осаждалъ уже г. Червень (Карамзинъ, II, гл. VII, с. 92, 93). Вскорѣ прибылъ и Угорскій король Стефанъ II съ войсками угорскими и вспомогательнымъ отрядомъ чешскимъ. Перемышль занятъ былъ

Болеславомъ Польскимъ, конечно, по соглашенію съ Стефаномъ II и въ видѣ вознагражденія за отошедшій къ Угріи Спишъ. Союзныя войска двинулись далѣе въ Русскую землю, и занявъ мелкія укрѣпленія, приблизились ко Владиміру, который былъ послѣднимъ оплотомъ Руси Галицкой и Владимирской. По завоеваніи послѣдней предполагалось поставить въ ней подручника Угорскихъ королей—Ярослава Святополковича; но неожиданная смерть послѣдняго разстроила планы союзниковъ. Дружина Стефана II, замѣтивъ въ немъ желаніе принять въ свои руки управленіе юго-западною Русью, такъ испугалась этой мысли, что отказала въ повиновеніи своему королю и грозила даже избраніемъ другаго, въ случаѣ его отказа возвратиться домой (Turoczy Chron., cap. LXIII; Pray, Reg. Hung., p. 120): Domine, quid et quod facis? si cum multa morte militum tuorum castrum capis, quem ducem constitues? Si inter principes Tuos eligis nullus remanet. Num quid vos vultis regno relicto habere ducatum? nos barones castrum non oppugnabimus; si oppugnare vis, solus pugna; nos autem in Hungariam recedemus et nobis regem eligemus. Изъ этихъ словъ видно, что угорскимъ войскомъ предводительствовалъ самъ король, что въ князѣ Ярославѣ оно привыкло видѣть будущаго галицко-владимирскаго намѣстника своего короля, что по смерти Ярослава никто изъ бояръ угорскихъ не желалъ занять его мѣсто, что вслѣдствіе того король замышлялъ лично заняться управленіемъ забраннаго края, что̀ и вызвало ропотъ и даже угрозы войска. Храбрость осажденныхъ, очевидно, напугала Мадьяръ. Къ тому же при дѣлежѣ добычи могли произойдти несогласія, которыя и побудили Угорскаго короля заключить отдѣльный миръ съ Русью, безъ заботы объ интересахъ польскаго союзника. Не удивительно, что Поляки должны были отказаться вслѣдъ затѣмъ отъ Перемышльскаго княжества, за исключеніемъ, быть можетъ, лишь незначительныхъ западныхъ его частей; Спишъ же прочно утвердился съ тѣхъ поръ во владѣніи королей Угорскихъ. Поляки оказались при этомъ въ убыткѣ, что̀ и могло возбудить въ нихъ тѣ неудовольствія противъ Угровъ, о которыхъ упоминаютъ историки польскіе, угорскіе и иностранные.

Теперь намъ остается привести еще историческія доказательства того, что Спишская земля искони принадлежала Руси, хотя Длугошъ и относитъ часть Спиша къ землѣ Краковской, то-есть, польской.

Изъ словъ Длугоша: provinciam scepusiensem, quae tunc juris Polonorum fuerat, et pars ejus non modica in terra cracoviensi con-

stitebat, можно вывести, что онъ считалъ вообще Спишъ лишь временнымъ (tunc) владѣніемъ польскимъ, но нѣкоторую его часть причислялъ къ землѣ Краковской, Старопольской. Утверждая послѣднее, Длугошъ не ссылается ни на какой древнѣйшій источникъ. Можно предполагать, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду небольшой сѣверо-западный уголъ Спиша, извѣстный подъ именемъ Магуры, гдѣ теперь употребляется нарѣчіе русско-польское или горальское, и гдѣ всѣ церкви латинскія, за исключеніемъ большаго русскаго села Остурня; можно предполагать, что край этотъ уже во времена Длугоша былъ столь ополяченъ и окатоличенъ, что польскій историкъ могъ признать его искони польскою, а не русскою землей. Но успѣхъ ополяченія не можетъ самъ по себѣ служить достаточнымъ основаніемъ для подобнаго утвержденія, которое противорѣчитъ показаніямъ всѣхъ другихъ древне-польскихъ источниковъ и основаннымъ на нихъ мнѣніямъ угорскихъ историковъ Бенцура, Корнидеса, Голлова и др. Особенно важно въ этомъ вопросѣ свидѣтельство Богуфала, который обстоятельнѣе другихъ зналъ и изложилъ событія изъ исторіи Спишской земли; онъ же ни слова не говоритъ о принадлежности какой-нибудь части Спиша къ Польшѣ, а напротивъ, доказываетъ, какъ словами „de ruthena genitam", такъ и всѣмъ контекстомъ рѣчи, принадлежность Спиша къ Руси. Это свидѣтельство Богуфала и всѣхъ другихъ древнихъ писателей, за исключеніемъ Длугоша, принимается почти всѣми новыми изслѣдователями (ср. Gebhardy, Allg. Weltgesch. LI, 202); оно подтверждается и другими данными—географическими, этнографическими и церковно-административными, а равно грамотами Угорскихъ королей.

Одного взгляда на орографическую карту западной Галичины и сѣверной Угорщины достаточно для убѣжденія, что Спишъ не могъ въ старину принадлежать къ воеводствамъ Освѣцимскому и Заторскому, отъ которыхъ онъ отдѣленъ непроходимыми хребтами Татръ. Своими рѣчными жилами онъ находился въ естественномъ соединеніи съ лежащими на сѣверѣ землями Перемышльскаго княжества, именно съ землей Судецкою (Сандецкою), которой принадлежность къ Руси доказана уже выше. Не лишено значенія и то обстоятельство, что даже послѣ 1108 г. части Спиша находились въ распоряженіи государей краковскихъ и судомирскихъ, благодаря, конечно, тѣсной географической связи Спиша съ областями перемышльскими. Этимъ же объясняются и безконечные, до нынѣ не поконченные споры Мадьяръ съ Поляками за земли Спишскую и Судецкую, то-есть, западныя части

Перемышльскаго княжества. Эти споры начались вслѣдъ за занятіемъ Спиша Уграми. Серьезный характеръ приняли они особенно съ XIV в., когда Польша, присоединивъ къ себѣ юго-западную Русь, пожелала упрочить свои владѣнія естественными границами, которыхъ она не находила между Русью и Спишемъ. Польскіе государи постоянно стремились къ занятію Спиша, тогда какъ короли Угорскіе на оборотъ желали округлить его на сѣверѣ присоединеніемъ къ Угріи земли Судецкой. Послѣ продолжительныхъ споровъ, заключенъ наконецъ былъ 15-го марта 1412 г. въ спишскомъ городкѣ Любовнѣ миръ между Сигизмундомъ Угорскимъ и Владиславомъ Польскимъ, по которому взаимныя ихъ границы въ Червонной Руси признаны въ status quo, по крайней мѣрѣ на время жизни обоихъ государей (in quieta utriusque regni possessione maneunt, lis autem nonnisi post elapsum ab obitu utriusque regis lustrum suscitari voleat); за то Молдавскую землю, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій ея владѣтеля, предположено было раздѣлить между Польшей и Угорщиной (Wagner, Anal. Scepus. I, 7 sq.). Но такъ какъ король Сигизмундъ сильно нуждался тогда въ деньгахъ, то по новому договору 8-го ноября того же (1412) года онъ уступилъ за 37,000 пражскихъ грошей Польшѣ весь Спишъ, съ крѣпостцами Любовня и Подолинецъ и всѣми принадлежащими къ нимъ селеніями; но къ этому присоединено условіе, что Спишъ можетъ быть выкупленъ Угорскими королями изъ залога за сумму, равную вышеуказанному долгу (Wagner, Anal. Scepus. I, 212). Вскорѣ затѣмъ, именно въ 1434 г., Угры пожелали воспользоваться этимъ правомъ выкупа своего залога, но Поляки энергически воспротивились тому. Напрасно Угры думали возвратить себѣ Спишъ избраніемъ 8-го марта 1440 г. Польскаго короля Владислава на свой престолъ: хотя Владиславъ и обязался при этомъ случаѣ въ торжественной грамотѣ уладить вѣковые споры Поляковъ съ Уграми изъ-за Червонной Руси, Подолья и Молдавіи, а Спишъ возвратить Угорщинѣ (Castrum Lublio in terra Scepusiensi cum omnibus civitatibus, oppidis, villis, quae titulo pignoris usque ad praesens tempus ratione regni nostri Poloniae pacifice possedimus et tenuimus atque tenemus, promittimus et pollicemur de nostra mera liberalitate statim postquam celebritas coronationis praemissae feliciter facta fuerit et consummata reintegrare et libere restituere regno Hungariae absque quavis pecuniarum praedictarum, in quibus pignori obligata fuerunt, exactione, litterasque quascunque superinde confectas mox post dictam coronationem restituemus etc. См. A Szepusegi XIV városok pragmaticai története. Löczén 1842, p.

87; Palma, Explic. juris in Russiam Minorem p. 18; Katona, Hist. critica, t. XIII, p. 23); но польскіе паны помѣшали выполненію этого условія. Впослѣдствіи споры Угровъ съ Поляками изъ-за Червонной Руси, особенно Спиша, возбудили такое раздраженіе между двумя народностями, что при Угорскомъ королѣ Матвѣѣ Корвинѣ изданъ былъ даже, въ 1486 г., законъ, запрещавшій пріемъ Поляковъ, подобно какъ Венеціанцевъ, въ индигенатъ угорскій (Art. 32 de 1486: Item quia Poloni omni arte omnique via et technis conati sunt et semper conantur ad terras et dominia ad S. coronam pertinentia pedem interre et illa usurpare, prout etiam aliquam partem de facto usurparunt. Proinde statutum ac sancitum est sub nota perpetuae infidelitatis, ut nemo regnicolarum audeat illis aut eorum alicui castra portalitia, civitates, oppida, possessiones aut alia bona immobilia vendere, inscribere, impignorare commendare, donare vel aliter qualitercunque dare vel assignare*). Есть и другіе угорскіе законы, дышущіе ненавистью къ Полякамъ изъ-за дѣлежа юго-западной Руси. Такъ, ст. 11 опредѣленій 1751, ст. 15 отъ 1765 г. требовали возвращенія Угріи Спиша; но все это не имѣло послѣдствій до тѣхъ поръ, пока министръ Маріи-Терезіи Кауницъ не составилъ плана раздѣла частей Польши между тремя сосѣдними государствами: въ 1772 г. Австрія силою заняла Спишъ и объявила его собственностью угорской короны, при чемъ и 37,000 пражскихъ грошей (до 800,000 гульденовъ) не были возвращены Польшѣ, какъ достаточно покрытые многовѣковымъ обладаніемъ Спиша Поляками (Fessler, t. X, p. 180; Lassá István Lengyel ország stat., pag. 75). Но этимъ не окончились споры Поляковъ съ Миграми изъ-за Руси: въ 1794 г. они вспыхнули снова въ средѣ депутатовъ, высланныхъ обѣими сторонами для опредѣленія границъ между угорскими и польскими владѣніями Австрійскаго дома: Галичане настаивали на принадлежности имъ Спиша, Угры же требовали для себя земли судецкой, какъ принадлежавшей нѣкогда Угорщинѣ и организованной при Людовикѣ I Великомъ подъ названіемъ comitatus Ovariensis (ср. Bardosy, Supl. anal. terrae Scepus. p. 89, nota 46: Boleslaus denique III terram Scepusiensem ac Premislensem ipsamque Galiciam invalvere quaesivit; сюда относятся и грамоты у Бардошія на стр. 5, 11, 16, 54, 58, 59, 67, 157, 161, 268). Всѣ эти споры, оконченные лишь въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка, возникли вслѣдствіе общихъ притязаній какъ Поляковъ, такъ и Угровъ, на юго-западную Русь, притязаній, которыя объясняются главнѣйше отсутствіемъ естественныхъ границъ между Спишемъ и Перемышльскою

землей, а слѣдовательно, и географическою принадлежностью Спиша къ Руси.

Въ томъ же убѣждаютъ насъ и этнографическія данныя и соображенія. Разсматривая древнія грамоты, относящіяся къ Спишу, мы часто наталкиваемся на русскія названія лицъ, селеній, горъ, лѣсовъ и т. п. Такъ, въ грамотахъ, собранныхъ Бардошіемъ (Supl. anal. Scepus.), мы встрѣчаемъ имена: Merozlai (стр. 253), Ivan et Dan (с. 259), Ivanus judex (с. 262), Detbor (с. 298), Andreas filius Polyan (с. 339). Въ числѣ дворянскихъ родовъ Спиша упоминается Гервордъ, Гербордъ, Гербуртъ, быть можетъ, предокъ того Гербурта Добромильскаго, который въ письмѣ къ папѣ Павлу V отъ 1616 г. въ такихъ словахъ выражался о Руси: Russi gens mea est, Russia patria nobis communis... Regnum Russiae maximum sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis acquiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes Hungariae, Moesicae, Bulgaricae, Graecae, Moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella notae etc. (Harasiewicz, Annal. eccles. ruthenae, p. 252).

Когда въ древнихъ спишскихъ грамотахъ упоминаются Нѣмцы и латиняне, то они всегда называются при этомъ иностранцами, hospites; такъ, въ грамотѣ короля Стефана 1271 г. читаемъ: libertate fidelium nostrorum hospitum Saxonum de Scepus (A nepességi XVI[s] városok pragm. története, p. 47); въ грамотѣ Карла Роберта 1317 г.: quod hospites et Saxones nostri dilecti et fideles de Scepus (ibid. 51); въ грамотѣ Бѣлы 1243 г. при упоминаніи его брата Коломана, владѣвшаго пожизненно Спишемъ: hospitibus nostris in villa Olassi,.... juxta consuetudinem aliorum hospitum (ibid., 61); въ грамотѣ Людовика I 1374 г.: fidelis de S. Ladislao (городокъ Четвергъ, нѣм. Donnerstmark) de comitatu Scepusiensi in sua et universorum civium et hospitum nostrorum de eadem personis (ibid., p. 64); въ грамотѣ Сигизмунда 1433 г.: hospitibus ac toti communitati civitatum terrae nostrae Scepus (ibid., p. 83).

Встрѣчаются изрѣдка въ древнихъ спишскихъ грамотахъ упоминанія и Словаковъ; но и они именуются иностранцами, hospites: такъ въ грамотѣ, данной Словакамъ деревни Томаши въ 1278, они названы hospites slavi (Biderman, Ungar. Ruthenen, II, 80); то же названіе прилагается къ нимъ и въ грамотѣ Бѣлы IV 1258 г., касающейся спишской территоріи Надость: quod cum terram Nadosth in Scepes hospitibus Slavis dederimus, ut nobis de eadam censum solvant (Bardosy, supl. anal. Scepus, p. 91). Горсть Мадьяръ, обитавшихъ

нѣкогда въ Спишѣ, также упоминается въ числѣ иностранныхъ поселенцевъ въ грамотѣ 1280, касающейся доходовъ духовенства: Hungari, Saxones, Slavi, Latini (Fejer, Codex diplom. V, 3, 41). Что касается Поляковъ, то ихъ не было въ Спишѣ, кромѣ сѣверо-западнаго угла Магуры и городковъ Любовня и Подолинецъ, при чемъ жители двухъ послѣднихъ полонизованы изъ Нѣмцевъ не ранѣе XVII в. (Biderman, Ung. Ruthenen, I, 10).

И такъ, коренным населеніемъ Спиша были Русскіе: они и теперь этимъ именемъ зовутъ свою народность и славянскую церковь, несмотря на вѣковой гнетъ Мадьяръ и Поляковъ, осыпавшихъ льготами спишскихъ Нѣмцевъ, Словаковъ и латинниковъ на счетъ подавленныхъ русскихъ автохтоновъ Спиша. Лишь въ ближайшемъ сосѣдствѣ латинскихъ монастырей, основанныхъ Мадьярами и Поляками, совращены были русскіе Спишаки въ римскую церковь, а съ тѣмъ вмѣстѣ пострадалъ и ихъ языкъ; по внушенію латинскихъ ксендзовъ, эти окатоличенные Спишаки стали называть себя съ конца XVIII вѣка Словаками, хотя ихъ говоръ рѣзко обличаетъ ихъ русское, а не словенское происхожденіе: даже слово Словакъ не умѣютъ они выговорить правильно по славянски, съ протяженіемъ втораго слога, какъ напримѣръ, говорятъ ихъ липтовскіе сосѣди, а зовутъ себя Словяками. Еще менѣе могутъ они выговорить: трсть, прши и т. п.; вмѣсто словенскихъ же смрекъ, смречна Спишаки говорятъ: смерекъ, смеречна. Они помнятъ, что они не коренные Липтаки (то-есть, Словаки), и что дѣды ихъ лишь въ недавнее сравнительно время перешли изъ русской вѣры въ латинскую. Вообще спишское нарѣчіе по слогоударенію своему не имѣетъ ничего общаго съ говорами словенскими; напротивъ, оно не отлично почти отъ просодіи Угорскихъ и Галицкихъ Русскихъ, именно западныхъ Лемковъ. То же самое отличіе отъ Словаковъ и сходство съ Русью замѣчается въ одеждѣ, постройкахъ, занятіяхъ и самомъ тѣлосложеніи Спишаковъ, такъ что въ ихъ русскомъ происхожденіи нельзя бы сомнѣваться и въ такомъ случаѣ, еслибъ они всѣ олатинились: между тѣмъ до 30,000 душъ и теперь еще сохраняютъ въ Спишѣ свой русскій языкъ, русскую церковь и русское имя (ср. Schematismus cleri dioecesis eperjesiensis).

Такимъ образомъ, въ географіи и этнографіи Спиша мы находимъ подтвержденіе историческихъ свидѣтельствъ о древней принадлежности Спиша къ Русской землѣ; то же доказываютъ и церковно-административныя ея отношенія.

Принадлежность кореннаго населенія Спиша къ восточной церкви

явствуетъ изъ приведенной выше грамоты 1280 г. (Fejer, Cod. dipl. V, 3, 41), по которой лишь иностранные поселенцы (hospites) Спиша (Мадьяры, Нѣмцы, Словаки, Латиняне) вступили въ добровольную сдѣлку съ латинскимъ духовенствомъ относительно платежа ему десятины; но въ томъ же году встрѣчаемъ и нѣкоторыхъ русскихъ жителей Спиша подчиненными Остригонскому архіепископу и латинскимъ священникамъ, то-есть, совращенными въ унію, при чемъ обряды восточной церкви и даже причащеніе подъ двумя видами были строго сохраняемы. Между этими спишскими уніатами (преимущественно изъ среды nobiles lanceati) и латинниками возгорѣлась потомъ такая вражда, что первымъ запрещено было строить свои церкви и содержать особыхъ священниковъ, послѣ чего эти уніаты перестали крестить своихъ дѣтей, причащаться предъ смертью и принимать елеосвященіе, какъ это видно изъ грамоты архіепископа Владиміра отъ 1280 года: et ex praedictis nobilibus propter inhabentiam sacerdotis eorundem sine confessione ac sine communicatione corporis et sanguinis D. N. Jesu Christi nec non sacra unctione semel, medius et tertius homines essent expirati, atque infantes baptisatione carentes emigraverunt et per cives praedictae civitatis multas blasphemias ad ecclesiam procedentes passi fuissent (Wagner, Anal. Scepus., I, 111). Ссоры дошли до взаимныхъ проклятій, даже дракъ возлѣ латинской церкви въ городкѣ Четвергъ (мадьяр. Csütörtök, нѣм. Donnerstmark лат. oppidum S. Ladislai), которая, по моему личному изслѣдованію, построена была въ два яруса: для Русскихъ подъ землей и для Нѣмцевъ надъ землей. Для примиренія враждовавшихъ явился въ Спишъ самъ Остригонскій архіепископъ Владиміръ, происходившій, кажется, изъ русскихъ бояръ или даже князей; въ видѣ особенной милости онъ дозволилъ уніатскимъ дворянамъ построить особую, хотя лишь приписную, церковь и имѣть своего священника, какъ это видно изъ грамоты, изданной этимъ архіепископомъ въ 1280 г. (Wagner, Anal. Scepusii, I, 111). Но установленный имъ въ Спишѣ миръ не былъ продолжителенъ: въ 1286 г. русскіе жители Спиша, соединившись съ Болгарами и Кунами (вѣроятно, съ Румунами и Половцами, составлявшими значительную часть войскъ короля Владислава IV), а равно съ другими православными, произвели опустошительное нападеніе на владѣнія латинскаго духовенства, особенно Спишскаго монастыря (capitulum Scepusiense): въ церкви этого монастыря размѣщены были лошади возставшихъ; монастырскія грамоты были уничтожены, даже печать отобрана. Король Владиславъ IV, находившійся

тогда въ Спишскомъ замкѣ, былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ опустошеній, но не препятствовалъ имъ по враждѣ съ папами и сочувствію къ православію: Cum rex Ladislaus piae recordationis terram Scepus intrasset et in suburbio castri de eadem descensum habuisset, timore Dei postposito gens Bulgarorum, Cumanorum et aliorum schismaticorum ecclesiam beati Martini invadentes et eandem ac sacristiam concellassent et cum equis conculcassent, et etiam quam plurimorum nobilium instrumenta litteralia simili modo condemnata extitissent, in grande praejudicium ejusdem ecclesiae s. Martini et gravamen (ср. Wagner, Anal. Scepus., III, 14). Достовѣрность этого происшествія подтверждается и заявленіемъ Спишскаго монастыря объ изготовленіи новой печати, которою рѣшено помѣтить всѣ изданныя прежде монастыремъ грамоты (Bardosy, Supl. anal. Scepus., 259); о томъ же свидѣтельствуетъ, кажется, и заявленіе спишскаго города Левочи объ уничтоженіи Татарами (вѣроятно, Куманами), Русскими и другими враждебными народами древнихъ грамотъ этого города, что могло случиться при вышеупомянутомъ возстаніи спишскихъ православныхъ или другомъ подобномъ (см. Bardosy, Supl. Anal. Scepus., p. 400); то же подтверждаетъ и грамота Угорскаго короля Андрея III отъ 1290 г.: quod tempore domini Ladislai regis patruelis fratris nostri ipsa ecclesia B. Martini per insultas Cumanorum et neugerorum miserabiliter extitisset spoliata et camera ejusdem ecclesia confracta ac omnia bona praedictae ecclesiae fuissent ablata et instrumenta ac privilegia super possessionibus ecclesiae suae confecta enormiter pedibus equorum contrita etc. (Wagner, Anal. Scep. I, 303).

Православное населеніе земли Спишской со времени крещенія своего при Владимірѣ Святомъ всегда принадлежало къ митрополіи Кіевской, именно къ епархіи Самборско-Перемышльской: объ этомъ свидѣтельствуютъ древнее народное преданіе и древніе антиминсы уцѣлѣвшихъ въ Спишѣ русскихъ церквей, освященные почти исключительно Самборско-Перемышльскими епископами или даже Кіевскими митрополитами; то же доказываетъ и вышеупомянутый докладъ папѣ въ XVII в. о положеніи уніатскаго дѣла въ присоединенныхъ къ Польшѣ, Литвѣ и Угорщинѣ частяхъ Руси (nam etiam Hungariae nonnullae et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum, то-есть episcopatum Premislensem pertinet. Harasiewicz, Annal. eccl. Ruthenae, p. 303). Между тѣмъ извѣстно, что власть русской іерархіи не распространялась за предѣлами Русскаго государства, такъ какъ это вызвало бы большое сопротивленіе и сосѣднихъ епископовъ,

и Цареградскаго патріарха, всегда наблюдавшаго за неприкосновенностію епархіальныхъ границъ. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ историческаго факта принадлежности древняго Спиша къ Руси не только въ народномъ, но и въ государственномъ смыслѣ.

Остается теперь доказать, что и Угорскіе короли смотрѣли на Спишъ, какъ на землю искони русскую. Подтвержденіе тому находимъ въ ихъ трактатахъ съ Польскими королями касательно юго-западной Руси: Спишъ обыкновенно причисляемъ былъ при этомъ къ княжеству или королевству (подъ управленіемъ короля Коломана) Галицко-Владимирскому, что подало даже, какъ мы видѣли, историкамъ угорскимъ поводъ искать Спиша не подъ Татрами, а на востокѣ, въ окрестностяхъ Галича. Въ договорѣ Сигизмунда Угорскаго съ Владиславомъ Польскимъ 1412 г., касательно юго-западной Руси, говорится очень обстоятельно и о Спишѣ; тоже находимъ и въ условіяхъ избранія въ Угорскіе короли Владислава Ягеллона въ 1440 г. На правахъ угорской короны на Русь основывала и Марія-Терезія свои притязанія на Спишъ, когда присоединила его въ 1772 г. къ Угорщинѣ: потому-то и первыми губернаторами Австріи въ Галичинѣ были Угры—гр. Гадикъ и Юрменій (Ürményi).

Важенъ въ исторіи Спиша тотъ эпизодъ, когда Коломанъ, сынъ Угорскаго короля Андрея II, принялъ титулъ короля Галицко-Владимирскаго; по изгнаніи изъ Галича, онъ удержалъ титулъ Русскаго короля, а съ нимъ и владѣніе въ Спишѣ, какъ это явствуетъ изъ вышеупомянутой грамоты Бѣлаго IV отъ 1243 г. (A Szepessegi XVI. városok pragmaticai története, 61), затѣмъ изъ его же грамоты отъ 1269 г., гдѣ потверждаются вклады спишскому цистерціанскому монастырю de consensu fratris nostri Colomanni regis (Wagner, Anal. Scepus. I, 391), и, наконецъ изъ грамоты Угорской королевы Елисаветы 1279 г., гдѣ прямо говорится, что Спишъ припадлежалъ до смерти Русскому королю Коломану (Colomanni regis inclytae recordationis, qui dum adhuc viveret, terram Scepus possederat usque ad vitam suam. (Wagner, Anal. Scepus. I, 299).

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ Угорскихъ королей Спишъ причисляется къ частямъ Угорской Руси (Russia hungarica); дорога же черезъ Спишъ ведетъ, по словамъ грамоты, въ направленіи къ Угорщинѣ, въ составъ которой, слѣдовательно, онъ не входилъ непосредственно; такъ въ грамотѣ Бѣлы IV отъ 1243 г., пожалованной нѣкоему Герборду, мы читаемъ: vice quondam in Russia, quae vocatur hungarica, nobis nostrisque baronibus in expeditione praesentibus laudabiliter di-

micavit... dahinc et super fluvium Donec (то-есть Дунаецъ на границѣ Спиша) perstitit in conflictu (Bardosy, Supl. anal. Scep. 150 p.); въ жалованной же грамотѣ Угорскаго короля Андрея III отъ 1297 г., данной канонику Марку, публичная дорога, проходящая мимо спишскаго селенія Коритника, названа ведущею въ Угорщину: usque ad unam viam, qua itur versus Hungariam (Bardosy, Supl. anal. Scepus. p. 419 sq.)

Изъ приведенныхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ данныхъ, подтвержденныхъ какъ древнѣйшими грамотами, такъ и хрониками польскими и угорскими, съ полною несомнѣнностью можно заключить, что граница русской народности и государства въ X и даже XI вв. проходила не по Сану, даже не по Вислоку или Вислокѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые тенденціозные писатели ново-польскіе, а по линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до сѣверо-восточнаго угла нынѣшняго липтовскаго комитата въ Угорщинѣ. Такимъ образомъ, здѣсь древняя Русь соприкасалась съ государствомъ Велико-Моравскимъ, а по его паденіи,—съ государствомъ Чешскимъ (См. Лѣтопись матицы словенской, годъ XII, вып. I, стр. 23). Граница между древнею Русью, именно входившимъ въ ея составъ племенемъ Бѣлыхъ Хорватовъ, и Чешскимъ государствомъ проходила въ вѣкъ Владиміра Святаго по водораздѣльному кряжу между теченіемъ рр. Вага и Грона, то-есть, по отрогамъ горъ Фатры, примѣрно по южнымъ границамъ нынѣшнихъ комитатовъ Липтовскаго, Оравскаго, Турчанскаго, Нитрянскаго и Коморнянскаго. Съ Угорскимъ государствомъ Русь соприкасалась въ то время по Дунаю между городами Остригономъ (Gran) и Вацовомъ (Waizen); затѣмъ по низменностямъ, обрамляющимъ горы Вацовскія и Матру, мимо г. Ягра (Erlau) до р. Шаявы или Солной; далѣе по этой рѣкѣ до Тисы, ея ложемъ до впаденія Сама (Szamos), вверхъ по теченію послѣдняго въ нынѣшней Сатмарской области, и въ Семиградьѣ возлѣ Самошъ Уйвара, до смежныхъ Семиградскихъ Альпъ, которые преп. Несторъ не безъ основанія называлъ горами Угорскими: здѣсь утвердились первоначально Угры, оставившіе свое имя Угровлахіи: отсюда спустились они въ Семиградье и въ долину средняго Дуная.

Доказательства такого очертанія древнѣйшихъ западныхъ границъ Руси въ странахъ закарпатскихъ представлены будутъ въ особой статьѣ.

А. П. Д.